

Пястолов С.М.

д.э.н., гл.н.с. ИНИОН РАН

ТРИ ИСТОЧНИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *трансдисциплинарность; метод существенной метафоры; принципы советской глобализации; битва парадигм; концептуальная модель модернизации.*

Классики любят троицу, следуем за ними

Тройка, как известно, замыкает и разрешает проблему диалектических противоположностей: столкновение «тезиса» и «антитезиса» разрешается «синтезом». Современные методологи, в частности, предлагают расширить онтологию социо-технологических исследований за счет аксиомы «скрытого третьего» (*hidden third*): «Это термин, позволяющий унифицировать описания трансдисциплинарных Субъекта и Объекта, сохраняя при этом их различия» (по Б. Николеску). В советской политэкономии азбучными истинами были «три источника и три составные части марксизма». Известные сегодня концепции экономических циклов сопрягаются с представлениями о волнах. Волна же характеризуется тремя параметрами: длина (частота), амплитуда, фазовый угол (взятый в определенный момент времени).

С опорой на данное представление технологическую модернизацию предлагается описывать как волновой процесс, для которого ключевое значение имеют параметры, аналогичные названным выше.

Методологические основания подхода

Необходимость и актуальность обращения к идеям классиков обусловлена в т.ч. тем, что работы, написанные много десятилетий назад, остаются востребованными и сегодня. Так, по версии проекта «ACUMEN» К.Маркс занимает 72-е место в современном рейтинге наиболее цитируемых учёных (Индекс Хирша: $H = 167$). В это же множество классических работ следует включить и труд К.Поланьи «Великая трансформация». Что же определяет востребованность работ названных классиков политической экономии? Авторская гипотеза состоит в том, что в книге внука двух раввинов представлены положения того глобального и тысячелетнего проекта, начало которого отслеживается, как минимум, со времен Эхнатона, настоящее его характеризуется всеми признаками сложности (термин В. Аршинова), а будущее – многоаспектно.

Метод существенной метафоры, к которому постоянно прибегал К. Маркс, в последнее время стал приобретать качества аналитического инструмента, его свойства и функции описываются и классифицируются, прежде всего, в рамках трансдисциплинарного подхода. Формируется и сама трансдисциплинарность как научное направление. Выбор данного подхода оправдывает и то, что значимость идей «Капитала» признана ЮНЕСКО¹ – организацией, занимающейся решением задач цивилизационного значения. Вообще говоря, подробные описания процессов производства и обращения, которые предлагает автор «Капитала», относятся к традиции энциклопедизма, характерного для той эпохи. В то же время, сегодня, с институциональной точки зрения видно, что такая манера изложения ограничивает ход рассуждений рамками определенного соглашения. А с точки зрения трансдисциплинарности – рамками одного типа реальности. Однако это является, по всей видимости, тем, что называют «первым взглядом». А в когнитивной психологии – атрибутами. При этом, уделяя значительное внимание атрибутам, классики достаточно четко прорисовывают и прототипы. В этой связи, можно утверждать, например, про «Капитал», что его основное содержание изложено метафорическим языком.

Отчасти поэтому споры по поводу «нового» перевода первого тома «Капитала»², представляются в условиях сегодняшней реальности дискуссиями, уведующими в сторону от существенного смысла работы. Спускаясь на уровень атрибутов, заметим, что данный случай высвечивает наличие эпистемологической проблемы понимания языков, на которых общаются друг с другом различные участники (трансдисциплинарного) проекта в экономике. Так, на доводы переводчика, также обладающие своими «археологиями знания» (термин М.Фуко) экономисты А. Бузгалин и Л. Васина отвечают компетентной критикой и, в частности, справедливо замечают, что «слово «ценность» в русском языке вообще мало связано с товарным миром, с миром рынка»³. Однако обращение к национальным архетипам в данном

¹ «Коммунистический манифест» и 1-й том «Капитала» К. Маркса были внесены в реестр всемирного документального наследия ЮНЕСКО. – <https://www.kommersant.ru/doc/2215498>

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / Под ред. В.Я. Чеховского. – М.: РОССПЭН, 2015.

³ Бузгалин А.В., Васина Л. Л. Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов «Капитала») // Альтернативы. – М., 2016. – № 3.

случае похоже на риторический прием в духе Бакунина (к которому К. Маркс, как известно, испытывал сложные чувства). Но в контексте дискуссии «о переводе» более важен вопрос об эпистемологическом отчуждении, которое становится затем онтологическим и далее – политэкономическим.

Очевидно, история экономической мысли в советский период еще не ясна в полной мере, многие разработки требуют переосмысления, однако, с позиций сегодняшнего дня к следующему утверждению, по всей видимости, следует отнестись с должным вниманием. Догматическая трактовка канонизированных в СССР переводов работ К. Маркса (задавшая онтологическое и эпистемологическое ограничения), непринятие во внимание ряда полезных разработок марксистских советских философов, обусловили политическое решение об установлении граничных объектов (понятие «стоимость» и не только), с функцией запретительных знаков (для движения по не разрешенным маршрутам). А это, в свою очередь, стало препятствием (одним из ...) для развития ряда научных направлений (например, экономической психологии, поведенческой экономики), идеи которых были обозначены еще в ранних рукописях К. Маркса. В его авторской трактовке; развитие общества обусловлено не столько прогрессом технологий, сколько развитием человека. Данное утверждение можно рассматривать в качестве базовой гипотезы, лежащей в основе «Капитала», как исследовательского проекта, а, в целом, для марксизма, как учения об обществе, данное утверждение можно принять в качестве базовой предпосылки. Дальнейший анализ контекста истории социалистического блока, динамики его институциональных форм позволяет заключить, что у Советской социалистической системы было три источника (с некоторой долей условности, их можно также считать принципами советской глобализации):

- ноосферный коммунизм – как мировоззрение/проект будущего,
- марксизм – как учение,
- советы (соборность, общинность) – как практика.

Однако по итогам длительной борьбы эти источники, на настоящее время, не стали «составными частями».

Здесь опять можно заметить тройственную аналогию, экономические циклы Маркса, в комплексе с концепцией развития «по спирали», вместе дают модель волны: мировоззрение задает ценности (соответственно – фазовый угол: по его величине мы судим о состоянии дел); длину волны (горизонт планирования) определяет учение; амплитуду (границы возможностей) формирует практика.

Модель К. Поланьи, представлена в работе «Великая трансформация». Там он пишет: «Будучи лишенными защитного панциря культурных институтов, человеческие существа погибнут от социальной обнаженности; ... Природа распадется на составные элементы; ... Ни одно общество, даже в течение самых коротких отрезков времени, не сможет выдержать последствия функционирования такой системы чисто фиктивных ценностей без соответствующей защиты своей человеческой и природной сущности и системы организации своего бизнеса от разрушительной силы этих сатанинских жерновов». Курсив мой, выделены ключевые параметры модели из класса рыночных («market pattern»). Данные параметры, мне думается, не случайно соотносятся с древними архетипами: ипостасями одного из раннеегипетских божеств времени – Kairos, Chronos, Cyclos. Такой образный метафорический ряд явно не вербализован в работе Поланьи, но его применение для анализа крупнейших феноменов и событий, оказывающих влияние на процессы цивилизационного масштаба, оказывается весьма продуктивным. Таким образом, появляется возможность сопоставить параметры умеренного и мобилизационного этапа технологического развития по выделенным выше критериям (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление параметров умеренного и мобилизационного этапа технологического развития

Этапы	Умеренный	Мобилизационный
Параметры, характеристики цикла		
Ценности <i>Cyclos</i> Фаза цикла	Развивающийся комплекс, широкий спектр ценностей	Жестко определенное ядро
Время <i>Chronos</i> Длительность	Свободный выбор масштабов и горизонта планирования	Горизонт планирования задан явной целью (как правило, краткосрочной)
Культурные институты <i>Kairos</i> Технологии, амплитуда процесса	Им отдается приоритет, поддерживается развитие в многообразии	Культивируются институты милитаризма, военные традиции

Отметим, что основные сложности любого проекта встречаются обычно в начале его жизненного цикла, но самые драматические ситуации складываются на выходе из проекта. Связано это, как можно показать, с тем, что меняются типы институциональных соглашений, в которых люди действуют в состоянии мобилизации – по принуждению, а в спокойной – по собственному выбору.

С позиций методологических нельзя не заметить, что выбор типа модернизации стал переломным моментом в т.н. «битве парадигм». Здесь имеются в виду аналоги парадигм «командной» и «рыночной» экономических систем. В граничных своих состояниях эти парадигмы формируют модели «власти-собственности» и «мельницы хрематистики».

В формате доклада/статьи мы можем обсудить лишь один аспект «битвы парадигм» – его проекцию на сферу научных исследований, где, как можно предположить, не случайно сформировалось понятие «передний край науки». С сожалением следует заметить, что Россия после 1992 года потеряла большую часть своего потенциала, позволявшие-

го ей выступать в этой битве в качестве субъекта. Основные сражения (за позиционные преимущества, в основном) идут на пространствах научных исследований в Европе и США,

Институциональные метаморфозы на переднем крае науки

Сегодня формируется т.н. «наука о науке» (science of science – SoS). Это новая дисциплина, получающая новые возможности за счет индустриализация научной сферы. Важным для исследований SoS типом данных является информация о финансировании.

Как показывает анализ публикаций по соответствующим направлениям, доверие общества к науке падает. И, соответственно, научная деятельность и ее финансирование нуждаются в легитимизации. Так, Национальные академии США в своем обзоре результатов Национальной нанотехнологической инициативы (ННИ) еще раз указывают на то, что институционализация новых технологий – это «неотъемлемо социальный процесс в самом широком смысле, вовлекающий широкие социальные и экологические проблемы» и внешние эффекты. ННИ – проект, миссией которого с 2001 г. является осуществление исследований и разработок с целью развития технологий для блага общества. Его годовым бюджетом в 1,5 трлн. долл. США управляют Американские национальные академии при поддержке Национального офиса координации развития нанотехнологий. В 2001 г. эксперты оценивали возможные объемы рынка нанотехнологий, примерно, в 1 трлн. долл. на последующие 10–15 лет. Однако этот показатель был перекрыт в 2013 г., и прогнозы на 2018 г. превышают 3 трлн. долл. Число агентств – участников проекта NNI выросло от 8 до 27 (к настоящему времени). Совокупные инвестиции в рамках проекта с момента начала по 2017 г. приблизились к 24 трлн. долл. США¹.

И сегодня такие объемы расходов требуют легитимизации. В этой связи, возникают дискуссии по вопросам технологического развития, в ходе которых постоянно поднимаются вопросы об ответственности и автономии науки и о роли общества. В программе ЕС «Горизонт 2020» (ключевой в проекте Инновационного Союза) принцип ответственности устанавливается как обязательный. Здесь также важно отметить, что такие семантические инструменты, как категория «ответственных инноваций», оказались весьма востребованными. И эта востребованность растет, как это видно на примерах из американской инновационной политики: Национальный стратегический план «Нанотехнологическая Инициатива», проект «Нанотехнологии в социальных сетях» Национального научного фонда США.

«Беспокойство по поводу целостности/качества научных исследований появилось в научных и общих СМИ в последние несколько лет» – отмечается в отчете Национальных академий наук США «Fostering Integrity in Research»². Растущий корпус данных указывает, что существенная доля опубликованных результатов в некоторых областях не воспроизводится в повторных экспериментах; и на это, по всей видимости, есть причины. Также отмечается уменьшение числа журнальных статей с результатами исследований, и это отчасти служит свидетельством плохого качества исследований. Проявились и другие «вредные методы исследования», такие как «хищные» журналы, которые, либо никак не рецензируют статьи, либо, вообще пренебрегают этим, «хищные» конференции и т.п. Другие вредные виды поведения ученых были определены как «формы недопустимого поведения, которые могут иметь место в академической среде». Второй выпуск отчета «Ответственная наука» посвящен категории *целостности*³ в исследованиях, методам ее оценки, разбору существенных примеров.

Дискурс ответственности развивается и в Европе как один из существенных сложных дискурсов, который развивался в Европейском научном совете, в т.ч. и также вокруг метафорического понятия «пограничного исследования»/ «исследования на переднем крае науки» (frontier research). Это понятие было введено экспертной группой с очевидной целью вытеснить из оборота прежнее понятие «фундаментального исследования». Второй дискурс продвигает идею необходимости взаимодействия науки и общества для разрешения «великих проблем» нашего времени. Третий дискурс связан с формирующейся в последнее время в сфере европейской НТП категорией «ответственного исследования и инноваций» (ОИИ). Можно заметить, что данный дискурс более чем другие формализован, и в этом случае более заметна преднамеренность его введения влиятельными акторами в рассматриваемую сферу. Дискурс оформляется организационно таким образом, чтобы «использовать коллективный процесс рефлексивности» с целью осуществлять руководство и влиять на последующую траекторию и темп инновационного развития⁴.

При более конкретном рассмотрении это прослеживается в межгосударственной политике Европейского союза (ЕС) по аналогии с более ранними событиями в США. Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что эти семантические события происходят под влиянием определенного языкового сообщества. Главным, по всей видимости, стал тезис о новых способах легитимизации мер научно-технической политики.

Участники определенного сообщества ученых общаются на языке специфического технологического соглашения. Очевидно, для того, чтобы определенным образом повлиять на содержание и направление деятельности ученых, администраторы научной сферы должны не просто пользоваться теми же семантическими конструкциями, для корректировки направлений исследований в нужном русле они осуществляют особого рода семантические вторжения.

¹ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine: Triennial Review of the National Nanotechnology Initiative. – Washington (DC): The National Academies Press, 2016.

² National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine: Fostering Integrity in Research. – Washington (DC): The National Academies Press, 2017.

³ Эта категория связана с ответственностью непосредственно.

⁴ Flink T., Kaldewey D. The new production of legitimacy: STI policy discourses beyond the contract metaphor // Research Policy. 2018. – N 47. – P. 62.

Целью одной из таких семантических атак стала категория фундаментальных исследований. Задача состояла в том, чтобы вывести эту категорию из дискурса научно-технической политики и заменить ее более нейтральной, сняв тем самым проблему противопоставления фундаментальных и прикладных исследований. В апреле 2005 г. Европейская комиссия в рамках Седьмой рамочной программы исследований (FP7) предложила создать Европейский научный совет (ЕНС), и соответствующее решение было принято в декабре 2006. К тому времени Комиссия отказалась от идеи финансирования фундаментальных исследований по двум причинам. Первая выражена в т.н. принципе «европейской добавленной ценности»: научные разработки должны быть столь же конкурентоспособны, как и промышленные инновации. Вторая причина объясняется принципом субсидиарности: ЕС не должен был вести политику, которая могла быть расценена как переход на более низкий уровень ответственности (чем, например, в США).

В ходе процедур совместного принятия решений в рамках FP7, на Комиссию оказывали давление определенные группы интересов. В первую очередь, это были представители сообществ науки о жизни и аналогично мыслящих высших чиновников от науки, отстаивавших категорию «фундаментального исследования». Эксперты ЕНС выступали за термин «frontier research»¹.

Понятие «передний край науки»/«пограничное исследование» было выбрано, прежде всего, потому что «передний край»/«граница» было новым понятием для ученых Европы. Известны ее корни в XIX в., где «фронт», «передний край» являлись управляющими параметрами соглашений о методах и способах исследования и эксплуатации Америк. В англоязычной литературе это понятие остается принятым в научном обороте, и оно стало довольно мифологизированным. «Особый американский характер», описанный в хрониках, «отмечен жестоким индивидуализмом, прагматизмом, и эгалитаризмом» и «сильно отличается от европейского созерцательного характера»². Характер деятельности соотносится с характером исполнителей и это метафорически переносится, в том числе, на характеристики современных исследований «на переднем крае науки», и, в определенной мере – на ученых соответствующих дисциплинарных областей.

Метафора «фронта» или «переднего края науки», появившись в США, стала применяться и для описаний научно-технической политики Японии в 1980-х. Уже в 1986 г. Институт физико-химических исследований (RIKEN), запустил Программу пограничных/передовых исследований (Frontier Research Program). Понятие «пограничного исследования» также применено в японской Программе развития наук о человеке. С 1987 г. HSFP была поддержана многими европейскими государствами и США.

В то же время, семантическое внедрение в национальные контексты не вполне объясняет успех понятия «пограничного исследования». Здесь важна функциональность: категория «граница»/«передний край», по всей видимости, помогла высшим администраторам научно-технической сферы обойти антагонизм фундаментального и прикладного типа исследований. Эта гибкая стратегия уклончивости отражена в описании «пограничного исследования» Европейского исследовательского союза 2006: «термин “пограничное исследование” был введен для использования в действиях ERC, так как они будут направлены на решение фундаментальных проблем внутри и вне «границ» знания».

Геостратегическое значение экспериментов Европейской комиссии с терминами, по предположениям экспертов, раскрывается в русле концепции противостояния. «Европа ведет войну за таланты против США, Японии и новых глобальных игроков». Это уже видно в заголовке отчета, который заставляет вспомнить о двух более ранних работах: «Наука – бесконечный передний край»³ В. Буша (Science—The Endless Frontier, 1945); «Американский вызов» Сервэн-Шрайбера (The American Challenge, 1968). Комиссия вполне могла взять англо-американский подход в качестве образца для подражания и использовать для формирования новой конкурентной политики. Идеология данной политики подразумевает, что поставленные в условия конкурентной борьбы исследователи самообмобилизуются и возьмут на себя большие научные риски, а общество в целом, в результате, выиграет. Возможные негативные последствия для научного сообщества ЕНС, по всей видимости, в то время не рассматривал.

В последующей после FP7 рамочной программе исследований – FP8 (элемент общеевропейской стратегии «Горизонт 2020») вводится еще одно семантическое новшество. Это – вновь введенная в оборот категория «социальные вызовы». Данный термин использовался, практически, как синоним для «великих вызовов» (grand challenges). Последняя категория сначала появилась в документах Европейской комиссии в 2007/2008 г. с явной целью поддержать всесторонние усилия по координации межнациональных взаимодействий в пределах проектируемого общеевропейского пространства исследований.

Категория «великих вызовов» также появилась впервые не в Европе, а в контекстах американской научно-технической политики. В конце 1980-х, эта категория применялась в целях обоснования запросов о субсидиях к федеральному фонду для создания суперкомпьютеров. Первое эксплицитно сформулированное определение «великих вызовов» обнаруживается в отчете Федерального координационного совета по науке, исследованиям и технологиям: «Великий вызов – базовая проблема в науке или технологиях, решение которой позволило бы с высокой эффективностью применять вычислительные ресурсы, которые могут стать доступными в ближайшем будущем» (цит. по: OSTP⁴, 1987). Из данного определения ясно, что новый термин выступает как промежуточный между традиционными понятиями фундаментального и прикладного исследований.

¹ Данное выражение следует понимать как «передний край науки». Это будет ясно из дальнейшего изложения, вместе с тем, в русскоязычной литературе распространен перевод: «пограничное исследование».

² См.: Flink, 2018. – там же, с. 15.

³ Известны также переводы: «Наука – бесконечная граница», «Наука – бесконечные рубежи», «Предел науки — бесконечность» и др.

⁴ OSTP – Office of Science and Technology Policy (Офис научно-технологической политики).

Позднее, администраторы науки, известные ученые, стали использовать термин «великие вызовы» для получения более ясных формулировок повестки дня в областях информатики, искусственного интеллекта; в течение 1990-х это понятие использовалось почти исключительно в этих эпистемических сообществах. В 2009 г., почти синхронно с событиями в Европе, понятие стало известно как ключевой элемент Стратегии американских инноваций. Определения и перечень великих вызовов появились на сайте Офиса научно-технологической политики (OSTP)¹.

Категория «Великие вызовы», как понятие, в большей степени оказывается связано с процессами демократизации дискуссий о роли и миссии научного сообщества. Обращение к такого рода категориям стало своего рода способом аргументации в пользу определенных целей и задач научных исследований. Одна из таких задач – «сделать науку более независимой от экономических интересов».

Мнение экспертов по поводу концепции ОИИ, состоит в том, что она, фактически, стала результатом синтеза комплекса идей, исходящих из приоритета управления в научно-технической сфере. То есть, дискурс ответственной науки сменяется дискурсом «ответственного управления». По существу, речь идет о том, чтобы сместить фокус внимания от результатов научного исследования на соответствующие процессы. Это, по сути, – переход от линейной модели управления инновациями к новой, параметры которой только начинают проявляться. Но именно, в рамках линейной модели существовало своего рода «защищенное пространство» для ученых. И в качестве понятия оно метафорически поддерживало общественный договор между обществом и наукой. Как видим, сегодня этот договор переосматривается, но переговорные позиции ученых неизмеримо слабее, чем прежде.

При этом процесс институционализации концепции ОИИ имеет специфический характер. До сих пор Еврокомиссия держит квазимонополию на ее использование в научных проектах. Например, «консорциум 26 партнеров», финансируемый ЕС «стремится развивать набор инструментов, необходимых для реализации Ответственных исследований и инноваций» и создать «Сообщество Практики» на базе 19 национальных центров ОИИ. В то же время озадачивает тот факт, что много говорится о восходящем характере процессов становления новой концепции. Однако критики замечают, что это мнение о подходе «снизу вверх», на самом деле, организовано «сверху вниз» Европейской комиссией. Таким образом, в настоящий момент ОИИ оценивается экспертами как «причуда бюрократии».

Заключение

Актуальность обращения к феноменам, обладающим циклической природой, обусловлена, в т.ч., особенностями текущего кризиса. Многие эксперты наблюдают наложение нисходящих трендов и впадин нескольких циклов, разнонаправленную динамику некоторых пар циклов. Не менее убедительно обосновывается существование кризиса принятой социально-экономической парадигмы. К методам преодоления парадигмальных ограничений относят, в т.ч. трансдисциплинарные. Это – метод существенной метафоры, архетипических аналогий и другие. Гипотеза исследования состоит в том, что с помощью подобных методов возможно обнаружить общее в явлениях циклов различных типов, и, на базе понимания общих закономерностей, предложить меры регулирования соответствующих процессов.

Определенная закономерность вытекает из теории сложных систем: управляющая подсистема стремится доминировать, подчинить себе управляемую посредством упрощения последней (подчинения, если та уже достаточно проста). Однако при использовании предлагаемых подходов, также как и в других видах анализа жизненных циклов сложных социо-технических систем, необходимо учитывать комплексный и сложный характер объекта исследования. Так, анализируя параметры различных типов соглашений, отмечаем различия в наборе объектов (благ), их иерархии; в процедурах координации. Техносфера, к примеру, рассматривается как современная форма капитала. Но, это же, по существу, объект индустриального соглашения. А в рыночном соглашении характеристики техносферы соответствуют характеристикам общественного блага, обладающего при этом сетевой структурой. Однако в качестве капитала она обладает собственной сущностью и живет своей жизнью, независимой от воли ее создателей. Капитал, как известно, не относится явно к классу общественных благ. Кроме того, для его производства и воспроизводства расходуются ресурсы: человеческие и невозобновимые экологические. При обращении к понятию техносферы со стороны социологии (гражданского соглашения), оно становится граничным объектом.

В различных типах соглашений используются различные источники информации, в них по-разному устроено время. В рыночном соглашении время ориентировано на настоящее; в индустриальном – это проекция в настоящее из будущего; в соглашении домохозяйств – это проекция в настоящее из прошлого. В экологическом соглашении время циклично; в соглашении творческой деятельности – дискретно. Игнорирование подобных различий обуславливает когнитивный диссонанс или, в лучшем (?) случае – непонимание существа текущих (негативных в т.ч.) процессов. Следует также учесть, что «модернизация», при любом рассмотрении, означает в т.ч. смену доминирующего соглашения (а значит, и механизмов координации).

Дальнейшее предположение состоит в том, что с помощью методов конвенциональной теории, концепции граничных и трансграничных объектов, возможно обнаружить общее в явлениях циклов различных типов и на базе понимания общих закономерностей предложить меры регулирования соответствующих процессов. В научно-технической сфере необходимой мерой является преодоление эпистемологического отчуждения.

Так, в точке бифуркации технократической цивилизации, «техносфера», как понятие, по существу, из объекта индустриального соглашения превратилась в граничный объект. Теперь же, это понятие, наполнившись новым содержанием, должно из разряда граничных объектов перейти в разряд трансграничных. Такую же процедуру следует при-

¹ <https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/ostp/grand-challenges>

менить и к другим понятиям, в частности, к понятию «ценность». «Стоимость», по всей видимости, останется еще какое-то время объектом граничным, притягиваясь, так или иначе, к подполью бухгалтерии.

В то же время, смысловое наполнение понятий зависит от выбора направления развития. В проекте «Капитал» принято, что общественно-экономическое развитие идет «по спирали». Так развиваются «формации». Но эта «спираль» не может «висеть» в плоскости. Это, как минимум трехмерный объект. Соответственно, спираль будет раскручиваться либо вверх, либо вниз. Метафора кадуцея Гермеса Трисмегиста подсказывает, что, на самом деле, спирали (змеи) две: одна (правосторонняя) символизирует развитие физической составляющей, другая (левосторонняя) – духовной составляющей.

Преобладание материалистических идей придало импульс «правостороннему» движению: процессам технократизации, расчеловечивания. В ситуации крайности мы получили «чертову мельницу» хрематистики (на которой, по всей видимости, и сформировали идею «золотого полумиллиарда»). Универсальные законы равновесия, сохранения требуют усиления альтернативного импульса: подъема гуманитарной составляющей на новый уровень. Задача ученых в этой связи – наполнить понятия соответствующими смыслами.

Возвращаясь к метафоре трех ипостасей времени, можно предложить следующую программу, раскрывающую три источника успешной модернизации России в современных условиях.

1. Жестко определенное ядро жизненно важных ценностей.
2. Предоставление права и установление обязанности выбора масштабов и горизонта планирования проектов технологического развития (что-то подобное ответу на «великие вызовы», но не реакция, а проектирование будущего). Здесь уместно поставить задачу пересмотра принятых в последние десятилетия концепций бухгалтерского учета.
3. Поддержка и развитие культурных и социально-экономических институтов, сопрягающихся с российскими традициями (например, артельные модели организации производства, принципы демократического централизма (то же земство), разработка собственной версии проектного языка («модернизация экономики» – импортированный и чуждый конструкт; ближе русскому духу, пожалуй, «[правильное] домостроительство»).

Предложенные формулировки, очевидно, требуют обсуждения. Однако ясно, что в нынешней ситуации в диалоге общества и науки такое обсуждение следует начать с того, что «ценности должны быть объявлены открыто».